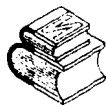

Андрей Смолин

У каждого свой путь и берег

Книга критики

У 1374446

Вологда
1999

ВЕЧНОСТЬ НЕ ЗНАЕТ РАЗЛУК

(Михаил Сопин)

Он пришел в русскую поэзию, как мало кому доводилось. Да, что пришел? Прорвался, пробился... Вопреки времени, судьбе. Он слишком часто вступал на грань жизни и смерти, не очень веря, что и для него утром выглянет из-за туч солнце. Он и в поэзии не такой, как многие, как почти все, кому не выпал жребий опрокинуться из обычного человека в лагерника, вечного "зека", каким был Шаламов, например. Но кто теперь объяснит внятно: как ему это удалось?

О Михаиле Сопине, его поэзии надо говорить жестко, точно. Без экивоков, без этаких штучек, когда не поймешь - обругали тебя или пожелали сообщить нечто приятственное. Но не должно быть и тени жалости, слезливого сострадания. Глубина истинного сострадания ведома только ему. Или тем, с кем был он рядом, кто выжил, когда миллионы не сумели этого сделать.

И теперь кажется, что он - реликтовый человек, забредший по случайности из другого мира. Где четкая биография? Из какого он сословия? Где диплом об образовании, трудовая книжка?.. Похоже, ничего нет, чем обычно удостоверяют прожитую жизнь в этом обществе. Взамен он предлагает свои стихи. Но кто из "нормальных" их читает? Им этого мало. Бумажка нужна. Но как же представить Сопина тем, кто все-таки уже узнал его? Вот как о нем писали однажды, словно по капле давили: "Судьба вологодского поэта Михаила Сопина необычна в своей драматичности. Ему было 10 лет, когда началась война, затем - страшные годы оккупации. Войну он закончил в Берлине "сыном полка", а вскоре пережил личную драму в сталинский период нашей истории..."

Наверное, тут есть правда о Сопине. Но не вся. Во-первых, он никакой не "вологодский", а просто русский поэт. Родовые корни были у него на Куршине, где будущий поэт увидел свет в 1931-м году. Корни обрубил война, пустив в "свободное" плавание. Он и правда был "сыном полка", но едва ли и всем полком можно было спасти детскую душу от всего ужаса, крови, завывания авиабомб, вечных похорон тех, кого еще вчера мог назвать другом ли, братом ли?..

*Я рождаюсь вот здесь, в сорок первом -
мертвым сверстникам глядя в глаза.*

И будем помнить, он еще мальчишка. В 45-м Сопину всего - 14! Да все ли взрослые смогли без сердечных рубцов перенести военную

лихолетье? А ему еще надо жить. "Сын полка" ни одной душе теперь не нужен. Его призывает в свои ряды безрассудная детдомовщина. Она приводит в коридоры, чаще кончающиеся "стенкой" или ударом "финки" в сердце, но его судьба спасла. Вот и у Есенина: "Тот, кто хоть раз на земле заплачет, значит, удача промчалась мимо". Но у Шаламова: "... люди, не знающие лагеря (счастливые люди), ибо лагерь - школа отрицательная, даже часа не надо быть человеку в лагере, минуты его не видеть". Шаламов же и продолжает: "Именно блатной мир, его правила, этика и эстетика вносят растление в души всех людей лагеря- и заключенных, и начальников, и зрителей... А в бригаду приходили новички, чтобы в свою очередь умереть или заболеть, или встать под пули, или издохнуть от побоев бригадира, конвоира, нарядчика, парикмахера и дневального". И все это пережить? И не вывернуть душу наизнанку? И еще писать стихи?

Тут не знаешь, что вернее: спасла ли еще одного своего печальника русская поэзия? Или Сопин сам нашел единственный способ жить почти только стихами? Но когда он переехал жить в Вологду, он уже был своеобразный, редкостный поэт. Тут же и первая книжка - "Предвестный свет" вышла в 1985-м, еще подцензурная, еще посеченная лихими ножницами... И быть бы Вологде не самым печальным городом в судьбе Михаила Сопина, но в мирное время, почти на ровной дороге потерять старшего сына, отданного для службы... И это вынести? И еще после этого жить?

*Мне страшно, а вдруг я неволю
Живущих живым сострадать?
Я жалуюсь белому полю,
Чтоб голос мой слушала мать:
Мне холодно, мама, я стыну.
Мой голос звучит или нет?
Торжественно. Людно. Пустынно,
Ни слова, ни звука в ответ...
Убитому жалуюсь сыну
На участь живого отца.*

Стихи Сопина нельзя читать помногу, взхлеб, как читаются иной раз другие поэты. Дело не только в том, что его судьба ярко, даже насильно, вмещается в них. Михаил Сопин и являет пример того, что поэзия и судьба не только неразделимы, но кровно связаны одна с другой. Суть в другом: он не боится взять с собой читателя на вершины бытия, обнажить перед ним сердце, душу. Но он не боится и пропас-

тей, откуда веет смертным холодом, а может быть, и вечным покоем. В сущности ни то, ни другое в обыкновенности бытия не нужно. И многие так думают. Только Сопин не хочет с этим соглашаться.

Прав ли, прав ли тут он? Вот и Александр Романов, мудрый человек, отмечая талантливость Сопина, тоже остановился в минуты сомнения над его стихами: "А в поэзии мог бы развернуться значительно, как трагик человеческого бытия (вообще человеческого, а не только подконвойного, советского). Но для такой судьбы необходима мудрость, а не только злость-обида. И строки Михаила Сопина с каждым выходом в свет все короче. Огня уже в строке не хватает... А может, он накопится в душе?..."

Сомнения тут искренние, от распаханности миропонимания. Но когда один поэт думает над стихами другого, он невольно применяет свой опыт. И в поэзии, и в жизни. А.Романов и М.Сопин - ровесники, почти с одного года. Разность их судеб все равно накладывается на одну эпоху, на схожие испытания, хотя у Сопина все круче, изломами, хождениями над пропастью... Но по сути тут два полюса одного поколения. У Романова правда народная, но крестьянская. У Сопина тоже народная, но "лагерная". Разница между ними такая же, как между огнем в русской печи и огнем в буржуйке в бараке на замеченной зоне. Один скажет: "Русь уходит в нас!". Другой: "Мы за Россию столько уложили, что уж самой России не видать." Тут не только разные подходы к прошлому, но противоречия мировоззренческие.

Поэзия Сопина рождалась в одиночестве его, когда долгие годы и руки подавать никому не хотелось. Он - поэт - "подпольщик". Если его печатали, то совсем не то, о чем кричала его душа. Тут, видимо, окреп в нем стойкий неприязненный фон ко всему, что было связано со словом "официальщина". Он решал примерно так: "нормальные" поэты пишут любовную лирику, а я не буду. Они славят стройки, рукотворные моря, полеты в космос, а меня увольте. В его понимании было, что между обществом и человеком - огромная пропасть, перепрыгнуть которую нельзя. Он по преимуществу - судья, но не адвокат человеку ли, принятым правилам и законам. Но право у него такое есть:

Я ад прожил на свете этом.

А рай - оставим для святых.

При таком мироотношении понятно, что в рай могут попасть единицы. Тут обратим внимание, что у него нет описаний этого ада, какие есть у Шаламова, Солженицына, Даниила Андреева, Юрия Домбровского, даже у Высоцкого, который, правда, свою "лагерную" тему

создал на основе легенд. Сопин из военного детства, которое зримо, точно видится в его стихах, вдруг почти сразу оказывается в наших днях, совсем не касаясь в творчестве "лагерной" жизни, как многие, кто в них выжил.

Видимо, это идет от понимания, что ад - это не колымская стужа, не извечный страх перед пулей, не издевательства блатарей, не побои караульных, не тяжелый труд... Ад - в душе каждого человека. Вот где черная дыра, которая в обществе может передаваться генетически от одного человека к другому. Заведомая ложь о прошлом, "трясина идейного хлама", безлюбие, подозрительность к истинным проявлениям духа, разума - вот пороки, укоренившиеся, по мнению поэта, в нескольких поколениях бывших советских людей. Его удивляет степень мимикрии, способности пороков укрепляться, вить теплос гнездышко в любой душе.

*Едва под звоны отворились храмы,
Как хлынули толпой в оворяне хамы...*

Тут его взгляд историчен. Он охватывает всю русскую трагедию в двадцатом веке, "закольцовывает" ее на возможность повторения. От разломов в душе каждого человека, Сопин часто приходит к размышлению о судьбе и самой России. Тут его чувства в смятении, он признается в редкостной для обыденного сознания любви-ненависти к родной земле. Все это может показаться аффектацией, бредом болезненного ума, если не знать судьбы поэта.

Этот мотив очень характерен для поэтов "лагерного" сознания. Вот, например, Ольга Берггольц, тоже испытывавшая ужас сталинских репрессий:

*Гнала меня и клеветала,
Детей и славу отняла,
А я не разлюбила - знала:
Ты - дикая. Ты - не со зла.*

А Сопин бывает еще более гневен, еще более непримирим в своих отношениях с Россией. И кажется, что на такие выводы его чаще сподвигает не тот ад, который ему достался, а само развитие общества как раз в последующие за сталинизмом периоды. Нынешнее время - не исключение. Оно лишь продолжение прошлого, кандажные цепи которого никак не удастся разорвать.

Поэт предъявляет жесткие счета своей родине. Он, не покрывив душой, спрашивает: за что "мужиков забивали в колодки", "вели про-

давать на торги, как скот", почему "воюют брат с братом, с семьей враждует семья", "за что, объясни мне, уходят твои сыновья"? Тут, действительно, "никто не забыт, ничто не забыто". Память "минирования" потрясениями, трагедиями, растерзанными душами, кровью, пролитой напрасно...

Нет, многие ли из нынешних поэтов с чистой совестью могут задавать такие вопросы? У Михаила Сопина это право есть.

Читатель вправе следовать за поэтом, если настроен на его волну. Но может и не следовать. А вот попытаться объяснить себе, ради чего Сопин переливает свою судьбу в поэзию, наверное, должен. Одного желания тут мало, впрочем. Нужен опыт не сколько поэтический, сколько знание жизни. Поэт не зря предупреждает:

*Я несущ тебя, век мой, в груди :
Твою радость несущ,
Твою гадость,
Твою нежность,
Горючесть и сладость.
Однобоко меня не суди...*

Он склонен считать, что его трижды проклятая им самим судьба может быть понята, как урок, наверное. А не можем ли мы представить, что Сопин - через невероятные испытания, боль, унижения, любовь-ненависть, сумел увидеть что-то главное в жизни каждого человека? Тут речь о высоком, о смысле жизни, например. У Сопина нет "философской" лирики. Но в его отрицании пороков, в его гневной отповеди беспамятству, другим искривлениям духовной жизни, он видит идеал человека. Он ясно знает каким он должен быть.

*Родимая, что нам осталось?
Висков крутое серебро.
Неизреченная усталость
И недобитое добро...*

Постижение поэзии Михаила Сопина, возможное, конечно, не сразу, при возвращении к его стихам вновь и вновь, может привести к таким неожиданным выводам. Становятся очевидней многие пороки людские, происходит уточнение смысла слов - Совесть, Боль, Жизнь, смерть, страдание, насилие, террор... Как все это актуально на пороге веков... Поэт понимает, стихи еще никого ничему не научили. Но вдруг, да хоть одного?..